

Я его слепила из того, что было

В Мариинке готовятся досрочно отметить юбилей Петербурга

Ирина Губская
Санкт-Петербург

Мариинка всегда спешит. Потому и 300-летие Петербурга отмечать начинает за год до даты, причем в Лондоне. Здесь 27 мая, в день рождения города, и 28-го будут даны два гала-концерта с участием звезд оперы и балета: «Силуэты минувших столетий» и «Классика и современность». В качестве обкатки эти концерты были показаны на своей сцене и выглядели как очень черновая репетиция.

Началось с того, что Валерий Гергиев, дирижер программ, заболел... Ударными же моментами программ стали: в первой – Половецкий стан из оперы «Князь Игорь», во второй – Полицейский участок из «Леди Макбет Мценского уезда», Кашеево царство в «Жар-птице» и монастырское застолье из «Обручения в монастыре». Исполнительские контрасты были представлены в полном объеме. В опере – от еле слышного Демона до мощной «басово-баритональной бригады»: Геннадий Беззубенков, Михаил Кит, Виктор Черно-

Независимая саз-2002-2 апр. - с. 8.
морцев. В балете – от почти безупречных по четкости и сценичности «Половецких плясок» и Дианы Вишневой (ранд одного адажио которой многие выдержали два предшествующих отделения) – до разнокалиберного кордебалета снежинок «Щелкунчика» или царевен в «Жар-птице».

Предполагалось, что первая программа представит театральное искусство Петербурга до XIX века включительно, вторая – XX век. В результате между «Русланом» и «Сусаниным» Глинки затесался Чимароза, а тому же Верстовскому места не отвели. Затем сразу перешли к «Царской невесте» 1899 года и «Раймонде» 1898-го. Вернулись к Антону Рубинштейну и, вспомнив про Чайковского, огорошили «Серенадой» в постановке Балачина: мало того, что вполне XX века, так еще и не российской постановкой.

Вторая программа ограничилась Стравинским, Прокофьевым и Шостаковичем, среди которых возник Чайковский, коему в первом концерте места не хватило. Да и Мусоргскому

не гашлось, как в XX веке – Рахманинову или Скрябину. Началось действие вполне стандартно – фанфарами петровских гвардейцев. Затем на экране возник портрет Петра – и да-

лее многое шло под диапроектор для слайдов, почти как в сельском клубе. Серо-фиолетовые тени гурий в чародействах Нанны сливались с горным зафуженным пейзажем, и заме-

тить, что «знакомые крутом мелькают тени», можно было разве что благодаря топоту. А Демон пел, разумеется, на фоне врубелевского «Демона сидящего»...

Танцы чародейств Нанны из оперы «Руслан и Людмила».

фото Натальи Разиной